

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия
Богословские исследования

Борисовский П.

**ДОГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ХРИСТИАНСКОЙ МОРАЛИ
ПО ТВОРЕНИЯМ
СВ. ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА**

Вера и разум, 1894, № 7, с. 443—457; № 8, с. 509—525

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Догматическія основы христіанской морали по твореніямъ св. Григорія Богослова.

Въ существующихъ у насъ системахъ христіанскаго правоученія, не смотря на обиліе пунктуаций и подраздѣленій, все-таки нѣтъ, къ сожалѣнію, надлежащей *полноты* содержанія, нѣтъ болѣе или менѣе *всесторонняго* обслѣдованія этико-христіанской области. Если касаются съ излишнею иногда подробностію отдѣльныхъ, *частныхъ* вопросовъ этики, то не всегда ставятъ и разрѣшаютъ вопросы самыя *существенныя* и *основныя*, которые служили бы связующимъ центромъ всѣхъ отдѣльныхъ радіусовъ христіанскаго правоученія. Отъ этого оно представляется въ очень блѣдномъ свѣтѣ, безъ надлежащаго единства, въ формѣ частныхъ этическихъ положеній, не освѣщенныхъ какою либо высшею идеей, которая отражалась бы въ нихъ, какъ лучъ солнца въ струяхъ потока. Много трактуютъ напр. о свободѣ воли и вмѣненіи, о добродѣтели и грѣхѣ, о множествѣ обязанностей—личныхъ и общественныхъ, и о прочихъ частныхъ предметахъ морали; но мало говорятъ о *христіанской жизни вообще*, т. е. въ отношеніи ея основаній, внутренняго существа и завершительной цѣли. Почти всѣ системы Правоученія, послѣ обычнаго введенія, начинаютъ рѣчь о нравственномъ законѣ, хотя, по самому существу дѣла, требовалось бы дать прежде всего *общій* очеркъ христіанской морали, уяснить ея *типъ*, опредѣлить ея основные принципы, или такъ называемыя „предположенія“ (постулаты), дабы сразу ясно было, въ чемъ существенное, специфическое отличіе ея отъ всѣхъ другихъ этическихъ системъ. Въ большинствѣ моральныхъ системъ не

дается напр. этического понятія о личномъ Божествѣ, не говорится объ отношеніи идеи *Трїединнаго* Бога къ содержанію нравственности ¹⁾. Почти не разъясняется связь христіанской нравственности съ идеєю спасенія во *Христѣ*, а также съ этическимъ принципомъ общаго міроустройства. Не достаточно говорится о *царствѣ Божіемъ*, какъ общей области нравственно-благодатной жизни, и какъ предметъ нравственныхъ христіанскихъ стремленій каждаго лица ²⁾. Мало рѣчи о концѣ исторіи, о назначеніи человѣка и необходимомъ завершеніи всего нравственнаго міропорядка. А всѣ эти идеи составляютъ, какъ очевидно, самое существо христіанской нравственности, жизненный нервъ ея. Безъ этихъ идей система христіанской морали является организмомъ безъ оживляющаго духа, строительнымъ матеріаломъ, хотя и лежащимъ въ порядкѣ и должной группировкѣ, но не приведеннымъ въ цѣльное, прочное и стройное *зданіе*. Здѣсь болѣе—внѣшняя оболочка, но мало внутренняго *проникновенія* ³⁾.

¹⁾ Не такъ давно напечатана (въ Богосл. Вѣст 1892, Ноябрь) лишь небольшая статья о. Архим. Антонія: «Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы».

²⁾ Въ первомъ случаѣ царство Божіе понимается *объективно*, какъ общество вѣрующихъ во Христа (Церковь), связанныхъ единствомъ нравственной цѣли; во второмъ—*субъективно*, какъ нравственная *задача*, которую обязанъ усвоить внутренне каждый въ отдѣльности вѣрующій

³⁾ Почти единственное исключеніе изъ всѣхъ системъ морали, какъ по самому характеру изслѣдованія, такъ и по построенію, представляетъ собою трудъ недавно скончавшагося еп. Теофана: „Начертаніе христіанскаго правоученія“ (Москва 1891 г.). Здѣсь болѣе аскетическаго элемента въ содержаніи, болѣе указаній на данныя „христіанской Психологіи“. Всюду видно глубокое провинновеніе въ существо нравственнаго христіанскаго идеала и въ разнообразныя движенія нравственнаго чувства. Планъ труда—собственный, не заимствованный. Поставленные вопросы обслѣдуются и рѣшаются своеобразнымъ способомъ, не по обычнымъ, принятымъ приѣмамъ. Если въ трудѣ меньше подраздѣленій и указаній на частнѣйшія христіанскія обязанности, то за то больше этическихъ *обобщеній*, имѣющихъ отношеніе къ христіанской нравственности, какъ субъективному внутреннему *настроенію*, а не какъ только системѣ *этическихъ правилъ*, которыя христіанамъ *обязанъ* соблюдать въ тѣхъ или другихъ случаяхъ. Рѣшеніе частныхъ нравственныхъ проблеммъ и опредѣленіе частныхъ христіанскихъ обязанностей дается уже въ этихъ общихъ очертаніяхъ христіанской нравственности. Внѣшняя форма уже, но въ ней болѣе духа жизни. Если нѣкоторые второстепенные этические вопросы не рѣшаются въ отдѣльности, то зато поставлены и разсматриваются другіе, болѣе важныя, относящіяся къ самому *существо христіанской морали*. Здѣсь мы встречаемъ уже и новыя, по сравненію съ другими курсами христіанскаго право-

Между тѣмъ, ясно, что прежде всего нужно указать человѣку его *общее* отношеніе къ бытію, выяснить связь его съ другими личностями, поставить ему опредѣленную цѣль жизни. Нужно указать человѣку опредѣленное мѣсто во вселенной, раскрыть смыслъ его существованія, связь съ абсолютнымъ и отношеніе къ другимъ личностямъ. Тогда только нравственная дѣятельность человѣка будетъ вполне осмысленная и цѣлесообразная. Очевидно, требуется указать метафизическія основы морали, изъ которыхъ она выросла бы, какъ дерево изъ корня. Прежде чѣмъ разсуждать о томъ, *каковъ* есть и долженъ быть человѣкъ, нужно сначала рѣшить, къ чему и къѣмъ онъ призванъ, и что его ожидаетъ? А затѣмъ уже легко можно опредѣлить и то, *какъ* должно духовно образовать себя, и что нужно всякій разъ дѣлать и соблюдать, чтобы достигнуть высшей цѣли существованія? Вопросъ о постулатахъ, или метафизическихъ принципахъ морали—*первый* вопросъ всякой этической системы, равно какъ и христіанскаго нравоученія. А такъ какъ послѣднее въ своихъ основаніяхъ опирается на христіанскіе догматы, то отсюда предстоить предварительная задача—произвести анализъ христіанскихъ догматовъ съ *этической* точки зрѣнія. Говоря иначе, нужно уяснить ихъ *нравственный* смыслъ и отношеніе къ общей нормѣ христіанской жизни. Въ настоящій разъ мы и сдѣлаемъ краткій опытъ такого анализа по твореніямъ св. Григорія Богослова.

Св. Григорій Богословъ самъ не оставилъ послѣ себя какой либо *спеціально-нравственной системы*. Тѣмъ не менѣе почти всѣ его творенія относятся къ этическимъ, потому что нравоучительныя правила и моральныя разсужденія разсѣяны у него по всѣмъ отдѣльнымъ произведеніямъ. Здѣсь важно въ особенноти то, что св. Григорій *болѣе всего* останавливался именно

ученія, отдѣлы и матеріи. Такъ напр. находимъ опредѣленіе «основъ христіанской жизни». Здѣсь корень ея указывается въ «воплощенномъ домостроительствѣ», причемъ раскрывается необходимость воплощенія Бога для нашего оправданія и обновленія. Вторая основа христіанской жизни указывается въ живомъ союзѣ съ Церковью, гдѣ она, жизнь, «раскрывается и плодоноситъ». Опредѣляется *норма* (или тѣнь, основное начало) нравственной христіанской жизни, ея существенныя отличительныя свойства, также характеристическія черты христіанской дѣятельности, какъ нравственной и т. д.

на *основномъ* вопросѣ морали,—на вопросѣ объ ея христіанскихъ догматическихъ принципахъ. Онъ разсматривалъ христіанскіе догматы съ *этической* точки зрѣнія, ставилъ въ связь съ христіанскою жизнію, что подтверждается отчасти и содержаніемъ его пяти словъ о Богословіи. Имя „Богослова“ съ неменьшимъ правомъ можетъ приписать ему христіанская этическая наука, какъ и догматическая. Изъ христіанскихъ догматовъ онъ старался всегда извлекать нравоучительныя идеи. Объ этомъ свидѣлствуетъ отъ себя и самъ св. отецъ: „какъ всякая вещь“, пишетъ онъ, „имѣетъ свой большій, или меньшій отличительный признакъ, такъ и мои рѣчи, гдѣ только нужно, имѣютъ, отличительнымъ свойствомъ назидательность въ мысляхъ и догматахъ“ ¹⁾. Итакъ вопросъ о догматическихъ основахъ христіанской морали, помимо своего принципиальнаго значенія вообще, имѣетъ свое оправданіе и въ самыхъ твореніяхъ св. Григорія, какъ существенный пунктъ его нравоученія.

I.

Первое и самое главное основаніе христіанской морали есть признаніе *лично* безначальнаго, безпредѣльнаго Существа, т. е. Бога, какъ Виновника бытія. Безъ этого предположенія, которое можно называть *теологическимъ* (богословскимъ) христіанская нравственность не существуетъ. И Григорій Богословъ возводитъ все, какъ и самую человѣческую жизнь, къ личному Божеству. Въ собственномъ и безусловномъ смыслѣ бытіе принадлежитъ только Богу. Онъ одинъ всегда былъ, есть и будетъ, или лучше-всегда *есть*, потому что для Него все *настоящее* ²⁾. Именованіе „Сый“ болѣе другихъ божескихъ именъ относится къ сущности Божества ³⁾. Всякое же другое бытіе мыслится только въ Богѣ, и потому существуетъ лишь *относительно*, въ зависимости отъ Бога. Значить, начало христіанскаго воспитанія—въ почитаніи Бога при постоянной мысли о нашей зависимости отъ Него, какъ Виновника нашего бытія ⁴⁾.

¹⁾ Творенія св. Григорія Богослова, изд. третье, 1889 г., т. VI, 191

²⁾ IV, 244.

³⁾ III, 78—9, 196 и др.

⁴⁾ I, 142.

Отсюда разрѣшается и вопросъ о метафизической связи Божества съ конечнымъ бытіемъ. Богъ не имманентенъ міру, но и не всецѣло трансцендентенъ. Имѣя личное бытіе, Онъ проявляется свойствами Своими и въ бытіи конечномъ, такъ что все Собою обнимаеть. Богъ во всемъ и внѣ всего ¹⁾. „Помыслимъ“, пишетъ св. отецъ, „о превосходнѣйшемъ и высочайшемъ изъ всего сущаго—Богѣ (если только не найдетъ кто приличнѣйшимъ поставить Его и выше сущности, или въ Немъ заключить все бытіе, такъ какъ отъ Него сообщается бытіе и прочему“) ²⁾. Отсюда опредѣляется принципъ *единства бытія въ Богъ*, Который во всемъ отражается, все въ себѣ содержитъ, все пронизываетъ и все наполняетъ ³⁾. Начало и конецъ всякаго тварнаго бытія—въ Богѣ, Который „сотворилъ все, отъ Котораго все и для Котораго все“ ⁴⁾. Имъ однимъ пребываетъ все, и къ Нему все въ совокупности стремится и возсылаетъ мольбы. Онъ единъ и все ⁵⁾. Значитъ, и каждая *индивидуальная* жизнь укрѣпляется въ Божествѣ и къ Нему относится какъ одна изъ безчисленныхъ периферій къ единому всеобъемлющему центру. На этомъ основывается этическое правило, что „памятовать о Богѣ необходимѣе нежели дышать; и если можно такъ выразиться, кромѣ сего не должно и дѣлать ничего инаго;“ память о Богѣ нужно всегда и „симъ памятованіемъ возводить себя къ чистотѣ“ ⁶⁾. Бога нужно имѣть „началомъ и концомъ всякаго дѣла“ ⁷⁾.

Совершеннѣйшимъ образомъ такого полного единства всего конечнаго бытія въ Богѣ служитъ единство во внутренней жизни Самого Бога, въ Которомъ различіе *трехъ* личныхъ Ипостосей не уничтожаетъ *единой* Божеской сущности. „Богъ раздѣляется, такъ сказать, нераздѣлимо, и сочетается раздѣленно; потому что Божество есть Единое въ трехъ, и едино

1) I, 50.

2) Тамъ же, 186.

3) III, 17.

4) IV, 25.

5) V, 5.

6) III, 6.

7) V, 177.

суть Три, въ Которыхъ Божество, или точнѣе сказать, Которыя суть Божество“¹⁾. „Изъ Единицы Троица, и изъ Троицы опять Единица... Въ трехъ Свѣтахъ одно естество неподвижно. Единица не безчисленна, потому что покоится въ трехъ Добротахъ. Троица не въ разной мѣрѣ досточтима; потому что естество не разсѣкаемо. Въ Божествѣ Единица, но тречисленны Тѣ, Которымъ принадлежитъ Божество. Каждый есть единый Богъ, если именуешь одного. И опять, единъ Богъ безначальный, изъ Котораго богатство Божества, когда слово упоминаеть о Трехъ“²⁾. Три Ипостаси Божества находятся между Собою въ такомъ тѣснѣйшемъ внутреннемъ единствѣ, которое не осуществляется во *взаимоотношеніи между тварными* существами. „Тремя богами можно было бы назвать тѣхъ, которыхъ раздѣляли бы между собою время, или мысль, или держава, или хотѣніе; такъ что каждый никогда бы не былъ тождественъ съ прочими, но всегда находился съ ними въ борьбѣ. Но у моей Троицы одна сила, одна мысль, одна слава, одна держава; а чрезъ сіе не нарушается и единичность, которой великая слава въ гармоніи Божества“³⁾. Сынъ и Духъ св. возводятся къ Отцу, „не сливаясь, а сопребывая съ Нимъ, и не раздѣляемые между Собою ни временемъ, ни хотѣніемъ, ни могуществомъ. Ибо сіе насъ дѣлаеть чѣмъ то многимъ; потому что каждый изъ насъ разногласенъ, и самъ съ собою и съ другими. Но Тѣмъ, у Которыхъ естество просто и бытіе тождественно, приличествуетъ и единство“⁴⁾. „Мы чтимъ единоначаліе; впрочемъ не то единоначаліе, которое опредѣляется единствомъ лица (и одно, если оно въ раздорѣ съ самимъ собою, составитъ множество), но то, которое составляетъ равночестность единства, единодушіе воли, тождество движенія и направленія къ единому Тѣхъ, Которые изъ Единаго (что невозможно въ естествѣ сотворенномъ), такъ что Они, хотя различаются по числу, но не раздѣляются по власти“⁵⁾. Въ человѣчествѣ, „хотя общность и имѣеть един-

1) III, 215.

2) IV, 184.

3) IV, 185.

4) Ibid., 30.

5) III, 43.

ство, представляемое впрочемъ мысленно, однакожь недѣлимыхъ много, и они раздѣлены между собою временемъ, страстями и силою. Ибо мы не только сложны, но и противоположны, какъ другъ другу, такъ и сами себѣ; не говоря уже о цѣлой жизни, даже и одного дня не бываемъ совершенно тѣми же, но непрестанно течемъ и перемѣняемся и по тѣлу, и по душѣ. А не знаю, едва ли не таковы же Ангелы и всякое, кромѣ Троицы, горнее естество, хотя они просты и, по близости своей къ верховному Благу, крѣпко утверждены въ добрѣ¹⁾. Каждое изъ Лиць Божества, „по тождеству сущности и силы, имѣетъ такое же единство съ Соединеннымъ, какъ и съ самимъ Собою“²⁾. Внутреннее единство въ Троицѣ такъ неразрывно, что „отсѣчь или отчуждить что нибудь отъ Трехъ значить тоже, что отсѣчь *все*, и нагло возстать противъ всего Божества“³⁾.

Итакъ все конечное бытіе возводится къ Трїединому Богу и въ Немъ связуется въ общее единство. Однако люди не всегда сохраняютъ въ себѣ самихъ и во взаимоотношеніи подобное же внутреннее единство. И потому единство Троицы представляетъ собою совершеннѣйшій идеаль, къ которому обязано стремиться каждое сотворенное существо, въ томъ числѣ и чловѣкъ. А это возможно только посредствомъ исполненія божескихъ творческихъ идей (законовъ добра, уничтожающихъ разладъ въ бытіи и утверждающихъ на мѣсто его согласіе, или гармонію. „Единомысліе“, пишетъ св. Григорій, „ведетъ начало отъ Троицы (такъ какъ Ей по естеству всего свойственнѣе единство и внутренній миръ), которое усвоено ангельскими и божественными Силами, пребывающими въ мирѣ съ Богомъ и между собою, которое простирается на всю тварь (такъ какъ ей служитъ украшеніемъ безмятежіе), которое удобно поселяется и въ насъ, какъ по душѣ, когда въ ней добродѣтели одна другую сопровождаютъ и одна съ другой сообщаются, такъ и по тѣлу, когда въ немъ и члены и стихіи имѣютъ взаимную стройность,

1) III, 95.

2) Ibid.

3) I, 185.

отъ чего въ первомъ случаѣ происходитъ то, что есть и именуется красота, а во второмъ здравіе“¹⁾).

Единство бытія въ Богѣ есть, очевидно, обнаруженіе премудрой любви, или благодати Божіей, которая и приводитъ все въ согласіе. Здѣсь, такимъ образомъ, метафизика и этика совпадаютъ: принципъ метафизическій сливается съ этическимъ. Міровое единство не есть физико-механическое равновѣсіе равнодѣйствующей, а свободное, въ той или другой степени, тяготѣніе къ общему, все объединяющему центру, мыслимому въ личномъ абсолютномъ Божествѣ, которое все оживляетъ и поддерживаетъ Своею любовію. И прежде всего самое единство Троицы есть, очевидно, единство *любви*, какъ единство Лиць единосущныхъ. „Божество выступило изъ единичности по причинѣ *богатства*, преступило двойственность, потому что Оно выше матеріи и формы, изъ которыхъ состоятъ тѣла, и опредѣлилось тройственностію (первымъ, что превышаетъ составъ двойственности), по причинѣ совершенства, чтобы и не быть скуднымъ и не разлиться до безконечности. Первое показывало бы *нелюбообщительность*, послѣднее *безпорядокъ*“²⁾). Потому то Богъ чаще всего именуется Богомъ *мира*, такъ какъ миръ—Божій³⁾; именуется Отцомъ любви и Любовію⁴⁾). Итакъ вотъ первая основа христіанской морали. Самый законъ міробытія есть уже законъ добра, мира и любви, законъ единства въ Богѣ. Поэтому всякій, кто нарушаетъ это единство, тотъ вноситъ раздоръ и безпорядокъ въ сотворенное бытіе и возстаетъ противъ плановъ любви Божіей. Отсюда—зло и нестроеніе жизни. „Въ Божествѣ нѣтъ несогласія, потому что нѣтъ и разъединенія (такъ какъ разъединеніе есть слѣдствіе несогласія): но въ Немъ столько согласія и съ самимъ Собою и со вторичными существами, что на ряду съ другими, и предпочтительно предъ другими именами, какими угодно называться Богу, сіе преимущественно стало Его именованіемъ. Онъ называется *миромъ* (Еф. II, 14), *любовію* (1 Іоан. IV, 16) и подобными именами,

1) II, 198.

2) Ibid. 180--181.

3) II, 186.

4) Ibid 189; I, 248.

внушая намъ самыми наименованіями стремится къ стяжанію сихъ совершенствъ... Посему всѣ тѣ, которые любятъ благо мира, и, напротивъ того, ненавидятъ раздоръ и отвращаются его, близки къ Богу и Божественнымъ духамъ; а тѣ, которые браннолюбивы нравомъ, ищутъ славы въ нововведеніяхъ и тщеславятся тѣмъ, чего бы надлежало стыдиться, принадлежатъ къ противоположной сторонѣ¹⁾.

Второе предположеніе, или основаніе нравственности находимъ въ ученіи собственно о человѣкѣ, какъ существѣ, на которомъ также, на ряду съ другими тварями, извѣстнымъ образомъ отпечатлѣлась любовь Божія, и который поэтому призванъ къ духовному союзу съ Богомъ. Это основаніе — *антропологическое*, требующее признанія въ человѣкѣ особой духовной субстанции, т. е. души, и притомъ обладающей свободнымъ самоопредѣленіемъ.

Какъ твореніе Божіе, человѣкъ представляетъ собою въ ряду тварей существо, срединное между міромъ вещественнымъ и духовнымъ: въ немъ удивительнымъ образомъ сочетались начала того и другаго²⁾. Онъ вмѣстѣ — „персть и духъ, живое существо—видимое и невидимое, временное и вѣчное, земное и небесное, касающееся Бога, но не постигающее, приближающееся и далеко отстоящее“³⁾. Мы произошли изъ персти, соединенной съ Божествомъ; поэтому въ насъ есть образъ Божій⁴⁾. Часть Божества, заключенная въ тѣлѣ, и есть человѣческая душа,—природа умосозерцаемая, оживляющая и движущая⁵⁾. Душа „произошла отъ Бога и божественна, которая причастна горняго благородства и къ нему послѣдуетъ, хотя и сопряжена съ худшимъ“⁶⁾. „Душа есть Божіе дыханіе, и будучи небесною, она терпитъ смѣшеніе съ перстнымъ. Это свѣтъ, заключенный

¹⁾ Здѣсь же св. отецъ подробнѣе говоритъ о законѣ любви Божіей, объемлющемъ все бытіе—небесное и земное, и о тѣхъ нестроеніяхъ и бдѣствіяхъ, какія производятъ уклоненіе отъ него. I, 186—191.

²⁾ IV, 199.

³⁾ I, 50.

⁴⁾ IV, 199, 248.

⁵⁾ Ibid, 152, 199; III, 199; V, 280.

⁶⁾ I, 21

въ пещерѣ, однакожь божественный и неугасимый¹⁾). Душа не есть гармонія составныхъ частей тѣла: иначе не было бы основанія для различія людей добродѣтельныхъ и порочныхъ, равно какъ для отдѣленія людей отъ безсловесныхъ, потому что и у послѣднихъ есть гармонія формы и смертной плоти²⁾). Какъ струя невидимаго Божества, человѣческій духъ всего дороже и выше для человѣка³⁾). Богъ самодоволенъ, и Самъ по себѣ не нуждается ни въ какомъ приношеніи отъ человѣка⁴⁾). Да мы и не имѣемъ ничего собственнаго, а все имѣемъ отъ Него. Тѣмъ не менѣе, получая все отъ Бога, человѣкъ обязанъ и всѣмъ жертвовать для Бога, все Ему посвящать и возвращать⁵⁾). Но высшая и самая угодная Богу жертва отъ насъ есть именно нашъ духъ, т. е. самъ человѣкъ долженъ прежде себя самого представить Богу въ жертву живую, чистую и святую⁶⁾). Это посвященіе души Богу есть ея естественное тяготѣніе къ Первоисточнику жизни, отъ Котораго и она получила бытіе, — есть приготовленіе къ переходу въ свойственное ей по природѣ духовное существованіе на небѣ. „Душа есть Божіе дыханіе, и всегда желаетъ имѣть лучшую участь пренебесныхъ. Какъ потокъ течетъ изъ источника по ровному мѣсту, а пламенѣющій огонь знаетъ одинъ неизмѣнный путь — возноситься вверхъ: такъ и человѣкъ великъ; онъ даже Ангель, когда, подобно змѣѣ, совлеки съ себя нестровидную старость, восходитъ отсель“⁷⁾). Потому то „въ человѣкѣ сокрыта искра благочестія, какъ въ нѣкоторыхъ камняхъ сила огня. Ударами желѣза извлекается свѣтъ изъ кремней; такъ и Слово изводитъ изъ смертныхъ сокрытое въ нихъ благочестіе“⁸⁾). „Даръ наибольшій и наипаче свидѣтельствующій о Божіемъ къ намъ человѣколюбіи, есть наше къ Нему (Богу) стремленіе и сред-

1) IV, 197.

2) Ibid, 197—8

3) I, 86.

4) I, 82; V, 252.

5) II, 22—23; I, 70—71.

6) IV, 222; I, 4.

7) IV, 222; I, 4.

8) V, 60.

ство съ Нимъ“ 1). Посему Богъ является высочайшимъ Благомъ, съ которымъ душа человѣческая, воспитываясь нравственно, жаждетъ соединиться 2). „Богъ есть сущность и первая доброта“ 3). Онъ есть высочайшій свѣтъ, „просвѣщающій всякую разумную природу, то же въ духовномъ мѣрѣ, что солнце въ чувственномъ, по мѣрѣ нашего очищенія представляемый, по мѣрѣ представленія возбуждающій къ Себѣ любовь, и по мѣрѣ любви вновь умопредставляемый“ 4). Онъ сотворилъ человѣка, какъ и весь мѣръ, по Своей благодати,—„творитъ живое существо, здѣсь предуготовляемое и преселяемое въ иной мѣръ и (что составляетъ конецъ тайны) чрезъ стремленіе къ Богу достигающее обоженія. Ибо умѣренный здѣсь свѣтъ истины служить для меня къ тому, чтобы видѣть и сносить свѣтлость Божію, достойную Того, Кто связуетъ и разрѣшаетъ, и опять совоккупить превосходнѣйшимъ образомъ“ 5).

Но это *обоженіе* не есть законъ, осуществляемый съ необходимостью, а должно быть *личнымъ дѣломъ самого человѣка*, потому что онъ обладаетъ *нравственною свободою*. Иначе добро, совершаемое нами, не имѣло бы нравственной цѣны и не было бы поставлено въ заслугу самому человѣку, какъ не *собственное дѣло личности*. „Сего (первозданнаго) человѣка, почтивъ свободою, чтобы добро принадлежало не меньше избирающему, чѣмъ и вложившему сѣмена онаго, Богъ поставилъ въ раю... Даетъ и законъ для упражненія свободы“ 6). „Въ томъ верхъ *благодати Божіей*, что добро содѣлано и нашею собственностію, не только всѣяно въ насъ съ естествомъ, но воздѣлывается также нашимъ произволеніемъ и движеніями свободы, преклонной на ту и другую сторону“ 7). „И какъ Самъ Онъ (Богъ) преисполненъ свѣта и добра, то и мнѣ дароваль нѣсколько добра; восхотѣлъ же, чтобы оно было моимъ дѣломъ. А для сего показаль мнѣ тогда же границы той и другой жизни, и опредѣ-

1) II, 143.

2) II, 220; III, 75, 95; ср. III, 147.

3) V, 279

4) III, 226.

5) III, 200.

6) Ibid.; ср. I, 91; III, 102

7) I, 21.

лил ихъ словомъ, придавъ въ помощь твари законъ, поставилъ меня самопроизвольнымъ дѣлателемъ добра, чтобы борьбою и подвигомъ приобрѣлъ я вѣнецъ; потому что для меня это лучше, чѣмъ жить свободнымъ отъ ограниченій“¹⁾.

На первой стадіи самовоспитанія и совершенствованія, приводящаго къ обожанію, душа дѣйствуетъ *ex tunc*. И здѣсь, въ этомъ соединеніи духа и матеріи, св. Григорій усматриваетъ нравственныя цѣли. Это сдѣлано, „во-первыхъ, чтобы душа могла наследовать горнюю славу за подвигъ и за борьбу съ дольнымъ, и, бывъ здѣсь искушена ими, какъ золото огнемъ, получила упваемое въ награду за добротѣтель, а не только какъ даръ Божій... Во-вторыхъ, чтобы душа могла и худшее, постепенно отрѣшая отъ дебелости, привлекать къ себѣ и возводить горѣ, чтобы она, ставъ руководительницею для служебнаго вещества, и обративъ его въ сослужебное Богу, была для тѣла тѣмъ же, чѣмъ Богъ для души“²⁾. Человѣкъ есть вмѣстѣ духъ и плоть,—„духъ, чтобы пребывать и прославлять Благодѣтеля, плоть, чтобы страдать и, страдая, припоминать и поучаться, сколько ущедренъ онъ величіемъ“³⁾. Плоть предохраняетъ человѣка отъ надменія и превозношенія, внушая ему, что онъ вмѣстѣ и великъ и низокъ,—наслѣдникъ свѣта и тьмы, небесный, но и земной,—бессмертный, но и временный⁴⁾.

Вслѣдствіе злоупотребленія человѣкомъ дарованной ему свободы, совершилось паденіе, въ которомъ Богъ не виновенъ⁵⁾. Такъ возникло зло и грѣхъ въ человѣческой природѣ⁶⁾, переходящій на всѣхъ людей, подобно колосу, вырастающему изъ корня⁷⁾. Отсюда—противоборство между тѣломъ и духомъ и различіе стремленій того и другаго...⁸⁾ Вещество влечетъ „долу“, а умъ—„горѣ“⁹⁾. „Какъ земля, привязанъ я къ здѣшней жизни,

1) V, 107; см. IV, 200, 205.

2) I, 21.

3) IV, 128.

4) II, 8.

5) IV, 194; I, 91.

6) IV, 250—251; III, 263.

7) IV, 201; ср. II, 31.

8) II, 8.

9) II, 133, 134, IV, 192, 222.

и какъ частица Божественнаго, пошу въ груди любовь къ жизни будущей“ 1). Чаше всего благосостояніе души бываетъ обратно благосостоянію тѣла 2). Но, какъ бы то ни было, есть законъ, постановленный для всего творенія, видимаго и сверхчувственнаго,—законъ, по которому лучшее (душа) должно управлять худшимъ (тѣломъ), а низшее по природѣ должно подчиняться высшему и начальственному 3). Отсюда открывается глубочайшая, основная проблема нравственной жизни, состоящая въ постепенномъ самовоспитаніи духа, при постоянной борьбѣ съ влеченіями плоти безъ насильственнаго, впрочемъ, ея истощенія, такъ какъ и она дана Богомъ человѣку, какъ орудіе и жилище духа 4). „Чѣмъ душа честиѣ тѣла, тѣмъ честиѣ очищать душу, нежели тѣло“ 5). Но отъ очищенія души происходитъ и очищеніе тѣла 6). „Хотя персть сія и влечетъ съ собой нѣкоторое зло, и земное жилище обременяетъ умъ (Прем. 9, 15), стремящійся горѣ, или сотворенный стремиться горѣ; однакоже, образъ (Божій) да очищаетъ тину, и да возводитъ на высоту сопряженную съ нимъ плоть, подъявляя ея на крылахъ ума“ 7). При такомъ то отношеніи духа къ тѣлу, при такомъ правильномъ употребленіи нравственной свободы, можетъ осуществиться на человѣческой личности антропологическая идея Творца, призваннаго человѣка къ единенію съ Собою. „Кто соблюдаетъ законъ, чтитъ частицу Божества, каковую имѣетъ въ себѣ, во всякомъ дѣлѣ, словѣ и движеніи ума, сколько можно болѣе, чистъ отъ всего попираемаго, и не оскверняется ничѣмъ преходящимъ, а напротивъ того самую персть влечетъ съ собою къ небу; тотъ въ награду за труды (подлинно самое великое и премудрое таинство) 8) станетъ Богомъ, и хотя Богомъ по усыновленію, однако же исполненнымъ высшаго свѣта, начатки котораго пожиналъ онъ въ нѣкоторой мѣрѣ еще здѣсь. А кто, преклонив-

1) 199—200.

2) I, 251.

3) I, 22.

4) II, 8; IV, 278.

5) III, 191.

6) II, 52.

7) Ibid.

8) V, 107—108.

шись къ худшему въ своемъ союзѣ и сочетаніи, оказавшись сообщникомъ дольняго, рабомъ плоти и другомъ скоротечнаго, оскорбляетъ жизнью своею Божественное благодородство; для того, сколько бы ни былъ онъ благоуспѣшенъ въ непостоянномъ, гордясь ничтожными сновидѣніями и тѣнями, обогащаясь, роскошествуя, превозносясь чинами, увь!—для того тяжки тамошніе бичи, гдѣ первое изъ бѣдствій—быть отринутымъ отъ Бога“.

Третье основаніе нравственности—*космологическое* ¹⁾, которое требуетъ признанія, что міровая жизнь движется не самослучайно, а по извѣстнымъ законамъ и для достиженія опредѣленной цѣли. Безъ этого условія и человѣческая жизнь сама по себѣ представляла бы ничѣмъ не руководимый *fatum*, а нравственныя стремленія остались бы безъ опредѣленной цѣли и должнаго завершения, и потому потеряли бы всякій смыслъ и обязательную силу. Требуется признаніе Премудраго руководящаго Божественнаго *Промысла*, содержащаго въ Себѣ Самомъ цѣль тварнаго бытія и направляющаго къ ней судьбы міра ²⁾. При этомъ только убѣжденіи, человѣкъ и можетъ находить въ себѣ достаточно бодрости и силъ для духовно-нравственной борьбы съ самимъ собою и съ окружающимъ зломъ. „Худому только рабу свойственно оказывать уваженіе господину, когда онъ улыбается, и почитать его злымъ, когда наноситъ удары. Надобно безъ ропота принимать, куда ни будетъ повернуто кормило, которымъ Богъ изводитъ меня изъ борьбы и жизни, пока не взойду въ тихую пристань, если только не напрасно построилъ Онъ этотъ корабль, но для добраго и благоуспѣшнаго конца“ ³⁾. Если человѣкъ иногда и не представляетъ себѣ ясно разумной цѣли извѣстнаго явленія, то это еще не значить, чтобы не знало ея міроуправляющее Слово, все равно какъ живопись вполнѣ понимаетъ только живописецъ, и свойства линій извѣстны только геометру. Нужно дать мѣсто и вѣрѣ, потому что она есть „непытливое согласіе“ ⁴⁾. Постичь глубину премудрости Божіей невозможно ⁵⁾, тѣмъ не менѣе нужно признать, что міръ не можетъ существовать безъ

¹⁾ Можно также назвать его и *телеологическимъ*

²⁾ IV, 190

³⁾ V, 39—40.

⁴⁾ V, 37, II, 32.

⁵⁾ II, 31.

Промысла, и отрицаніе Его есть *мятежъ* противъ Бога ¹⁾). Нужно признать, что существующій порядокъ во вселенной поддерживается Богомъ ²⁾), а если и разстраивается, то не противъ воли Того, Кто связалъ ее во едино ³⁾). Богъ все ведетъ Ему Одному вѣдомыми путями, ведетъ во всякомъ случаѣ къ благой цѣли—къ *совершенству* и *зрачеванію*, и потому предвѣдніе Божіе полагаетъ основаніе важныхъ событій ⁴⁾). Всѣ кажушіяся неровности въ жизни (нравственное и физическое зло) выравниваются у Бога, имѣя для человѣка, между прочимъ, и нравственно-воспитательныя цѣли ⁵⁾). Правда, есть и нѣкоторый кругъ и даже противоположности въ дѣлахъ человѣческихъ; но въ нихъ есть и неподвижный центръ. Движеніе и колебаніе относится только къ одной внѣшней, обыденной являемости, а не къ основанію, въ которомъ скрыта Промысломъ тайна вселенной и которое во всемъ твердо и неподвижно ⁶⁾). Должно вѣровать, что Богъ имѣетъ особенное попеченіе о человѣкѣ, хотя жизнь человѣческая проводится не безъ преткновеній и противностей, причины которыхъ иногда остаются неизвѣстными. Эта именно вѣра въ цѣлесообразность и разумность общемировой и, въ частности, человѣческой жизни, руководимой Промысломъ, даетъ твердую опору для нравственныхъ стремленій, и внушаетъ человѣку великія силы для духовныхъ подвиговъ. „Что для насъ страшно?“ спрашиваетъ св. Григорій. И отвѣчаетъ: „ничто, кромѣ уклоненія отъ Бога и отъ божественнаго. А прочее, какъ Богъ управитъ, такъ и да будетъ! Устраиваетъ ли Онъ дѣла наши *оружіи правды десными* и милостивыми, или *шуми* (2 Кор. 6, 7) и тяжкими для насъ; причины тому знаетъ домостроитель жизни нашей. А мы будемъ бояться того единственно, чтобы не потерпѣть чего либо противнаго любомудрію“ ⁷⁾).

П. Борисовскій.

(Окончаніе будетъ).

1) III, 228; IV, 116—117.

2) III, 26, 30—40; II, 34

3) Ibid., 116.

4) IV, 245—246; II, 147, 210.

5) I, 72, 92, II, 32, 43—45.

6) II, 75; I, 74.

7) VI, 257.

Догматическія основы христіанской морали по твореніямъ св. Григорія Богослова.

(Окончаніе) *).

II.

Христіанство учитъ не только о первоначальномъ созданіи человѣка, но и о возсозданіи его и обожаніи чрезъ воплощеннаго Сына Божія. Отсюда въ личности Иисуса Христа и Его дѣятельности нравственность христіанская имѣетъ для себя новое глубочайшее основаніе, которое называется *сотериологическимъ*.

Если бы люди оставались всегда тѣмъ, чѣмъ были (до паденія), то сдѣлались бы тѣмъ, чѣмъ не были, т. е. безсмертными и близкими къ Богу. Но, поелику смерть овладѣла человѣкомъ, Богъ не восхотѣлъ оставить безъ помощи Свою тварь, но Самъ, ставъ человѣкомъ, страждетъ какъ человѣкъ, и унищаваетъ до принятія плоти, чтобы обогатить насъ Своею нищетою ¹⁾. Премірное Естество, невмѣстимое тварію, извѣстное время обитало съ нами ради своего человѣколюбія, чтобы привлечь насъ къ Себѣ, поверженныхъ на землю ²⁾. Слово Божіе соединяется съ разумною душею ради моей души, очищая подобное подобнымъ, дѣлается человѣкомъ по всему, кромѣ грѣха. Сый начинаетъ бытіе; Несозданный созидается; Необъемлемый объемлется чрезъ разумную душу, посредствующую между Бо-

*) См. „Вѣра и Разумъ“, за 1894 г., № 7.

1) IV, 116—117; III, 228.

2) IV, 81; III, 217.

жествомъ и грубою плотію; Богатящій обнищаетъ—обнищаетъ до плоти моей, чтобы мнѣ обогатиться Его Божествомъ; Исполненный истощается—истощается не надолго въ славѣ Своей, чтобы мнѣ быть причастникомъ полноты Его. Какое богатство благодати! Что это за таинство о мнѣ? Я получилъ образъ Божій и не сохранилъ его; Онъ воспринимаетъ мою плоть, чтобы и образъ спасти, и плоть обезсмертить. Онъ вступаетъ во второе съ нами общеніе, которое гораздо чуднѣе перваго, покольку тогда даровалъ намъ лучшее, а теперь воспримлетъ худшее; но сіе боголѣпнѣе перваго, сіе выше для имѣющихъ умъ“ ¹⁾. Христось былъ всецѣлый человѣкъ—сталъ тѣломъ, душою, умомъ,—всѣмъ, что проникла смерть, дабы весь человѣкъ былъ спасенъ ²⁾. Но если человѣкъ чрезъ Христовы страданія имѣетъ возможность стать Богомъ (по усыновленію), то и Христось не есть только человѣкъ, но вмѣстѣ и всецѣлый Богъ, пребывающій Своею сущностію въ человѣческомъ естествѣ, какъ солнце въ лучахъ, и есть единый Богъ въ обоихъ естествахъ ³⁾. Тѣмъ Онъ и чуденъ, что и Божества не умалилъ, и человѣка спасъ какъ врачъ ⁴⁾. „Если бы еще поклонялся я твари, или въ тварь крестился, то я не обожился бы и не измѣнился бы въ первое рожденіе... Потому и самое названіе „христіанинъ“ утверждается на призваніи Христа Богомъ ⁵⁾. Итакъ, Богъ пострадалъ моими страданіями, сталъ ради меня грѣхомъ и клятвою ⁶⁾. Это есть истощаніе Божества—какъ бы ослабленіе и умаленіе славы Его ⁷⁾.

Это ученіе о личности и дѣлахъ Богочеловѣка заключаетъ въ себѣ, очевидно, совершенно этической элементъ, какъ выраженіе высшаго человѣколюбія Божія. Такого же характера и *плоды* вочеловѣченія и страданій Господа, имѣвшія цѣлю „окрылить душу, исхитить изъ міра и предать Богу..., того, кто

¹⁾ IV, 130—131; III, 202.

²⁾ II, 197; III, 67, 81—82, 263—264

³⁾ VI, 23; V, 42, 49, 221.

⁴⁾ IV, 180—181; III, 204.

⁵⁾ III, 188.

⁶⁾ III, 285; IV, 166.

⁷⁾ III, 178

принадлежитъ къ горнему чину, содѣлать Богомъ и причастникомъ горняго блаженства“¹⁾). Это обоженіе челоуѣка произошло уже въ личности Самого *Богочелоуѣка* ²⁾). Адъ низложенъ крестомъ, смерть смертію Христовою, всѣ и возсозданы страданіями Христа и снова возведены къ древу жизни древомъ безчестія. Во Христѣ открылась людямъ новая жизнь, въ немъ полагается *новая* основа единенія христіанъ съ Богомъ, потому что кровію Своею Христосъ все собралъ, помирилъ, совокупилъ во едино ³⁾). „Немногія капли крови возсозидають цѣлый міръ, и для всѣхъ людей дѣлаются тѣмъ же, чѣмъ бываетъ закваска для молока, собирая и связуя насъ во едино“⁴⁾).

Отсюда ясны и выводы по отношенію къ духовно-нравственной жизни. Пришествіемъ Иисуса Христа „челоуѣкъ переселяется, или (*точнѣе* сказать) возвращается къ Богу“, а потому христіанинъ и живетъ только во Христѣ, подражая Его страданіямъ, съ Нимъ раждаемый, распинаемый, спогребаемый и совостающій ⁵⁾). Постоянно нося въ своемъ сердцѣ образъ Божественнаго Страдальца и твердо упоая на Его помощь, христіанинъ очищается нравственно въ *борьбѣ* съ собственными страстями, каковая борьба неизбѣжно сопровождается для него душевною болью, или *страданіями*. Но этимъ именно путемъ страданій вѣрющій и самъ *пріобщается* Христу, прививается къ Нему, какъ вѣтвь къ лозѣ (Іоан. 15, 1—8), прививается снова къ дереву духовной жизни: исторгая изъ своего существа привитыя *отнютъ* сѣмена порока, христіанинъ напрягаетъ вмѣстѣ свое нравственное усиліе къ тому, чтобы развить въ себѣ ростки жизни высшей, божественной и этимъ путемъ *обновляется* внутренно и *пересозидается*. „Ибо мнѣ“, пишетъ св. Григорій, необходимо претерпѣть сіе спасительное измѣненіе, чтобы, какъ изъ пріятнаго произошло скорбное, такъ изъ скорбнаго вновь изникло пріятное“⁶⁾). Задача христіанина—содѣ-

1) I, 24—25; IV, 228.

2) IV, 160; V, 49; III, 59.

3) I, 193, ср. I, 242; V, 220; IV, 13.

4) IV, 148.

5) Ibid.; III, 194.

6) III, 194.

латься Богомъ ради Христа, ибо „Онъ сталъ человѣкомъ для насъ“ ¹⁾). Потому христіанинъ имѣеть въ виду одно спасеніе и ставить ни во что все видимое ²⁾). Онъ выше всего дольняго и человѣческаго; постоянная забота его о внутреннемъ очищеніи ³⁾). Онъ всегда приноситъ Богу въ жертву самого себя, идя лучшимъ путемъ, ведущимъ къ совершенству, путемъ смиренія и уничиженія, разительный примѣръ которыхъ данъ въ лицѣ Самого пострадавшаго Иисуса ⁴⁾). Любовь же ко Христу усыпляетъ въ христіанинѣ человѣческія вожделѣнія, чему примѣромъ служатъ христіанскіе мученики и подвижники ⁵⁾). Христіанинъ послѣ крещенія вступаетъ въ новую жизнь, совершеннѣйшую. Очищеніе Духомъ и водою, „вспомоществуя первому рожденію, изъ ветхихъ дѣлаеть насъ новыми, изъ плотскихъ, каковы мы нынѣ, богоподобными, разваря безъ огня и возсозидая безъ разрушенія. Ибо, кратко сказать, подъ силою крещенія разумѣль должно завѣтъ съ Богомъ о вступленіи въ другую жизнь и о соблюденіи большей чистоты“ ⁶⁾). Какъ Сыны Божіи и сонаслѣдники Христу, христіане составляютъ въ Немъ единый союзъ *любви* ⁷⁾). Христосъ же, подобно магниту, привлекаеть къ себѣ всѣхъ, и „какъ человѣкъ (потому что еще съ тѣломъ, какое воспринялъ), и нынѣ молится о моемъ спасеніи, пока не содѣлаеть меня богомъ“ ⁸⁾).

Христіанская проповѣдь о спасеніи человѣка во Христѣ завершается ученіемъ о *будущей*, загробной жизни, объ имѣющемъ нѣкогда произойти полномъ возстановленіи союза людей съ Богомъ, нарушеннаго ихъ паденіемъ. Конецъ нынѣшней міровой исторіи, по христіанскому ученію, будетъ началомъ вѣчнаго царства славы. Въ этомъ ученіи дается новое основаніе христіанской нравственности,—основаніе *эсхатологическое*.

1) I, 5; II, 23.

2) II, 100, 212.

3) I, 103.

4) IV, 143—147; III, 176—177; VI, 95—96.

5) V, 84—87.

6) III, 228—229.

7) VI, 77; I, 178; II, 4, 23

8) III, 75; IV, 221.

„Мы получили бытіе, чтобы благоденствовать; и благоденствовали послѣ того, какъ получили бытіе. Намъ ввѣренъ былъ рай, чтобы насладиться“ ¹⁾ Свойство Бога—сообщать своимъ тварямъ блаженство въ единеніи съ Собою ²⁾. Это же нужно сказать въ частности и о человѣкѣ. „Даръ наибольшій и наибаче свидѣтельствующій о Божіемъ къ намъ человѣколюбіи, есть наше къ нему стремленіе и сродство съ Нимъ. Что солнце для существъ чувственныхъ, то Богъ для духовныхъ: одно освѣщаетъ міръ видимый, Другіи—невидимый; одно тѣлесные взоры дѣлаетъ солнцевидными, Другіи разумныя естества—богоподобными“ ³⁾. Богъ представляетъ Собою послѣдній и высшій предметъ желаній, далѣе Его ничего нѣтъ ⁴⁾. „Мы, хотя узники земные, однако же поспѣшаемъ къ разумному и небесному естеству“ ⁵⁾. Приближеніе къ Богу, обоженіе и есть цѣль нашего бытія ⁶⁾. „Для людей одно только благо, и благо прочное,—это небесныя надежды“ ⁷⁾. Жизнь въ тѣлѣ есть отхожденіе отъ Господа, жизнь въ узахъ и оковахъ ⁸⁾. Впрочемъ, кто совершенствуется, преуспѣваетъ въ словѣ и дѣлѣ, тому возможно и въ здѣшней жизни вкушать тамошнее блаженство: отблески небесной славы видимы и на землѣ ⁹⁾. Потоки небесныхъ благъ въ здѣшней жизни достигаютъ тѣхъ, кто искренно стремится къ послѣднимъ ¹⁰⁾. Земная жизнь начинается тлѣніемъ, продолжается чрезъ тлѣніе и оканчивается тлѣніемъ, тогда какъ смерть, „избавляющая насъ отъ здѣшнихъ бѣдствій и многихъ приводящая въ жизнь горнюю, не знаю“, говоритъ св. Григорій, „можетъ ли быть названа въ собственномъ смыслѣ смертію“ ¹¹⁾. Послѣдняя для истиннаго христіанина есть „переселеніе“ или восхожденіе къ Богу, исполненіе желанія,

¹⁾ IV, 147.

²⁾ IV, 189

³⁾ II, 143.

⁴⁾ Ibid. 144.

⁵⁾ IV, 192.

⁶⁾ I, 144.

⁷⁾ IV, 220.

⁸⁾ I, 213.

⁹⁾ IV, 52; I, 246.

¹⁰⁾ I, 233.

¹¹⁾ II, 118.

разрѣшеніе отъ узъ, сложеніе бремени; она не полагаетъ предѣла жизни истинной, совершеннѣйшей, которая начата на землѣ ¹⁾. Поминающій здѣсь Бога *выше смерти* ²⁾. Но полное озареніе и просвѣщеніе Божествомъ возможно только послѣ тѣлесной смерти, когда „Всевышняя Троица не сокрывается отъ ума, какъ связаннаго и разсѣваемаго чувствами“ ³⁾. Посему „тамошнее блаженство есть совершеннѣйшее познаніе Отца, Сына и св. Духа“ ⁴⁾. Небесное царство „не иное что есть, какъ достиженіе чистѣйшаго и совершеннѣйшаго. А совершеннѣйшее изъ всего существующаго есть вѣдѣніе Бога“, всецѣло сообщаемое Словомъ ⁵⁾.

„Будеть *Богъ всяческая во вѣкx* (1 Кор. 15, 23)...., притомъ когда и мы, которые теперь, по своимъ движеніямъ и страстямъ, или вовсе не имѣемъ въ себѣ Бога, или мало имѣемъ, перестанемъ быть многимъ, но содѣлаемся всецѣло богоподобными, вмѣщающими въ себѣ всецѣлаго Бога и Его единаго. Вотъ то совершенство, къ которому мы поспѣваемъ!“ ⁶⁾ Ожидается измѣненіе и самаго міра въ лучшій, потому что „все поспѣшаетъ къ единому“ ⁷⁾.

Изъ этого ученія о будущей судьбѣ міра и человѣка ясны выводы по отношенію къ нравственнымъ началамъ жизни. Отечество христіанина—небесный духовный Иерусалимъ. Но для достиженія его требуется воспитаніе духа въ добродѣтели путемъ борьбы съ началомъ зла и порока, потому что къ Богу можетъ приближаться только тотъ, кто способенъ вмѣстить славу Божію ⁸⁾. Для будущей жизни требуется одно лишь благочестіе ⁹⁾. Христіанинъ долженъ для возвращенія къ Богу облечься въ новаго человѣка ¹⁰⁾. Потому то возвышенныя христі-

¹⁾ II, 136; I, 213.

²⁾ II, 46.

³⁾ I, 233, 248; II, 215.

⁴⁾ III, 149.

⁵⁾ II, 142, IV, 143

⁶⁾ III, 68.

⁷⁾ IV, 289; III, 263.

⁸⁾ II, 212; I, 56.

⁹⁾ I, 248; III, 194—195.

¹⁰⁾ Ibid.

анскія души „не знаютъ любви страстной, но горятъ любовію божественною, безстрастною; ихъ наслѣдіе—Источникъ свѣта, и еще здѣсь—Его озаренія, ангельскія псалмопѣнія, всенощное стояніе, преселеніе къ Богу ума предвосхищаемаго; чистота и непрестанное очищеніе, какъ незнающихъ мѣры въ восхожденіи и обоженіи“ ¹⁾. Для нихъ всякое земное благо не болѣе, какъ сновидѣніе, желать разрѣшиться отъ здѣшней жизни „есть первое и вѣрнѣйшее благо, и свойственно человѣку—подлинно здравомыслящему и умному“ ²⁾. „Всякая добрая и боголюбивая душа, какъ скоро, по разрѣшеніи отъ сопряженнаго съ нею тѣла, освободится отселѣ, приходитъ въ состояніи чувствовать и созерцать ожидающее ее благо, а по очищеніи, или по отложеніи (или еще, не знаю, какъ выразить) того, что ее омрачало, услаждается чуднымъ какимъ-то услажденіемъ, веселится и радостно шествуетъ къ своему Владыкѣ; потому что избѣгла здѣшней жизни, какъ несноснаго узилища, и свергла съ себя лежавшія на ней оковы, которыми крыла ума влеклись долу. Тогда она въ видѣніи какъ бы пожинаетъ уготованное ей блаженство. А потомъ и сопророжденную себѣ плотъ, съ которою упряжнιάлась здѣсь въ любомудріи, отъ земли, ее давшей и потомъ сохранившей, воспріявъ непонятнымъ для насъ образомъ и извѣстнымъ только Богу, ихъ соединившему и разлучившему,—вмѣстѣ съ нею вступаетъ въ наслѣдіе грядущей славы. И какъ, по естественному союзу съ плотію, сама раздѣляла ея тягости, такъ сообщаетъ ей свои утѣшенія, всецѣло поглотивъ ее въ себя, и содѣлавшись съ нею единымъ духомъ, и умомъ, и богомъ, послѣ того какъ смертное и преходящее пожерто жизнию ³⁾. Тамъ, на небѣ, святая душа восходитъ къ самому Источнику блага чистымъ умомъ созерцаетъ чистую истину и, въ награду за здѣшнее ревнованіе о добрѣ, наслаждается совершеннѣйшимъ обладаніемъ и созерцаніемъ добра ⁴⁾. Къ такому созерцанію ведутъ дѣла, соблюденіе заповѣдей ⁵⁾.

¹⁾ I, 103

²⁾ I, 126, 26;

³⁾ I, 213; 209; II, 254.

⁴⁾ I, 209; II, 254.

⁵⁾ II, 142.

Если восхождение къ Источнику блага есть блаженство и цѣль христіанскаго тайноводства ¹⁾: то, наоборотъ, отверженіе Богомъ грѣшниковъ будетъ для нихъ величайшимъ мученіемъ и наказаніемъ ²⁾. Послѣ страшнаго суда „первые (*сotворили блага*) наследуютъ неизреченный свѣтъ и созерцаніе Святыя и царственныя Троицы, Которая будетъ тогда озарять яснѣе и чище, и всецѣло соединится со всецѣлымъ умомъ (въ чемъ единомъ и поставляю особенно царствіе небесное); а удѣломъ вторыхъ (это *сotворили зла*), кромѣ прочаго, будетъ мученіе, или, вѣрнѣе сказать, прежде всего прочаго,—отверженіе отъ Бога и стыдъ въ совѣсти, которому не будетъ конца“ ³⁾. „Воздаяніе для очищенныхъ сердцемъ будетъ свѣтъ, то-есть Богъ видимый и познаваемый по мѣрѣ чистоты, что называемъ и царствіемъ небеснымъ,—а для слѣпотствующихъ умомъ, то-есть для отчужденныхъ отъ Бога по мѣрѣ здѣшней близорукости, будетъ тьма. Наконецъ, на семь основаніи догматовъ, дѣлай добро; потому что *вѣра безъ дѣлъ мертва* (Іак. 2, 26,) какъ и дѣла безъ вѣры“ ⁴⁾. Время дѣятельности Богъ ограничилъ пребываніемъ на землѣ, а въ жизни будущей послѣдуетъ только изслѣдованіе сдѣланнаго здѣсь ⁵⁾. Потому не слѣдуетъ быть безпечнымъ: нужно все принести въ жертву духу, не сожалѣть о земной жизни, все переносить ради любви къ Богу, чтобы не смущенно, а благодушно отойти отсюда къ жизни небесной ⁶⁾. „Кто успѣлъ съ помощію разсудка и умозрѣнія, расторгнувъ вещество и плотское (если назвать такъ) облако, или покрывало, приблизиться къ Богу, сколько доступно чело-вѣческой природѣ, и соединиться съ чистѣйшимъ свѣтомъ; тотъ блаженъ, по причинѣ какъ восхожденія отселѣ такъ и тамошняго обоженія, къ которому приводитъ истинное любу мудріе и возвышеніе надъ вещественною двойственностію ради единства, умопредставляемаго въ Троицѣ. А кто отъ сопряженія

1) I, 209.

2) I, 93.

3) I, 93; II, 47; III, 264.

4) III, 264.

5) II, 46; III, 243.

6) I, 214—216; III, 264—265; VI, 96.

съ вещественнымъ сталъ хуже, и столько прилѣпился къ брѣню, что не можетъ воззрѣть на сіяніе истины и возвыситься надъ дольнымъ, тогда какъ самъ произошелъ свыше и призывается къ горнему: тотъ для меня жалокъ, по причинѣ ослѣпленія, хотя бы онъ и благоуспѣшенъ былъ въ здѣшной жизни; даже тѣмъ болѣе жалокъ, чѣмъ болѣе обольщается своимъ счастіемъ и вѣрить, что есть другое благо, кромѣ блага истиннаго, пожиная тотъ вредный плодъ своего вреднаго мнѣнія, что или осуждается во тьму, или какъ на огонь смотритъ на Того, Кого не призналъ за свѣтъ ¹⁾“.

Таковы догматическія основанія христіанской нравственности по ученію св. Григорія Богослова. Соединяя ихъ всѣ во едино, можно опредѣлить общую норму духовно—нравственной христіанской жизни и основной принципъ христіанскаго нравовученія, который можетъ быть обозначенъ слѣдующими словами св. Григорія: „Несомнѣнно то, что человекъ есть тварь и образъ великаго Бога. Отъ Бога всякій исшелъ, и къ Богу идетъ. кто, устремя мысль горѣ и плоть оковавъ духомъ, воздезь своей жизни имѣетъ милосердаго Христа, а стажаніе свое, языкъ и слухъ, самый умъ и силу—все посвящаетъ грядущей жизни, кто, изъ всепоглащающаго міра исхищая все, чѣмъ возобладалъ похититель чужого достоянія, богопротивный веліаръ, вноситъ сіе въ сокровищницы, которыя тверже земныхъ и расхищаемыхъ и разрушаемыхъ, чтобы узрѣть самого Царя, чтобы, совлекшись плоти и противоборствующей дебелости, содѣлаться богомъ и духомъ, стать въ чинѣ свѣтозарнаго ангельскаго лика, за великіе труды стяжать еще большую награду, не какъ прежде, взирая на легкій образъ скинии, на письменное и разрушаемое изображеніе закона, но чистыми очами ума созерцая самую истину, и устами воспѣвая праздественную пѣснь. Такова цѣль человѣческой жизни; къ сему обитателей земли возводитъ великость Христовыхъ страданій. Ибо Христось, будучи Богъ, начальникъ жизни, превышій вѣка, всегда всецѣлый образъ безсмертнаго Отца, принялъ зракъ раба, вкусилъ смерть, вторично срѣтилъ жизнь, чтобъ

¹⁾ Ц, 144.

отъ рабства и отъ узъ смерти избавить меня возвращающагося къ лучшей жизни“¹⁾). Эти слова опредѣляютъ самое существо нравственно—христіанской жизни, и представляютъ собою лучший *compendium* догматическихъ основъ христіанской нравственности. Изъ этихъ основъ послѣдняя получаетъ свое начало, существенное содержаніе, дѣйственную силу и безусловно—обязательное значеніе. Наоборотъ, безъ указанныхъ основоположеній нравственность *подлинно—христіанская* не существуетъ, и не можетъ называться этимъ именемъ.

Догматическія основанія христіанскаго правоученія имѣютъ между собою внутреннюю связь и единство. Но, соотвѣтственно своему специфическому содержанію, каждое изъ нихъ освѣщаетъ христіанскую мораль съ какой-нибудь *особой* стороны, сообщаетъ христіанскому правоученію *спеціальныя* внутреннія черты, идеи и свойства. Въ частности, *теологическое* предположеніе нравственности раскрываетъ идею о личномъ Богѣ, какъ основѣ бытія и источникѣ жизни, о единствѣ всего конечнаго бытія въ любви Божіей, и о единствѣ любви во св. Троицѣ. Этими идеями утверждается для морали безусловное значеніе и высшій аподиктический смыслъ нравственнаго закона, закона добра и любви, потому что онъ является выраженіемъ совершеннѣйшей воли и любви Божіей, все въ себѣ содержащей. *Антропологическое* основаніе христіанской нравственности въ ученіи о происхожденіи человѣка отъ Бога, въ ученіи о человѣческомъ духѣ, какъ *струю невидимаго Божества*, даетъ этическое понятіе о Богѣ, какъ высшемъ и совершеннѣйшемъ Благѣ, къ которому невольно стремится человѣческой духъ;—открываетъ этическую идею объ *обоженіи*, какъ нравственной задачѣ, которую призванъ всякій осуществить на себѣ самомъ путемъ *собственныхъ* свободныхъ нравственныхъ усилій, путемъ борьбы съ грѣховными началами своего существа. *Космологическое* предположеніе утверждаетъ своимъ ученіемъ о Промыслѣ Б. цѣнность какъ индивидуальнаго существованія человѣческой личности, со всѣми ея высшими стремленіями, такъ и всей жизни вообще. Это предположеніе освѣщаетъ путь жизни и

1) IV, 248—249.

нравственныя влеченія идеею *разумности* и *цѣлесообразности*, соблюдаемой Божественнымъ міроуправляющимъ Разумомъ. Въ этомъ оно даетъ твердую опору для самыхъ нравственныхъ *стремлений*, упрочиваетъ навсегда ихъ высшее достоинство, сообщаетъ имъ глубокой смыслъ и разумную цѣль. Идея *сотеріологическая* (спасеніе во Христѣ)—идея специфически-христіанская, особенно выдѣляющая христіанскую мораль изъ ряда другихъ правоученій—религіозныхъ и философскихъ. Христосъ есть вмѣстѣ и высочайшій идеаль нравственнаго совершенства, и Божественный Путеводитель, влекущій за Собою на небо всѣхъ, слѣдующихъ за Нимъ къ совершенству и отражающихъ въ себѣ Его высокій духовный образъ. Нравственный идеаль получаетъ въ христіанствѣ утвержденіе не какъ только *истинный самъ по себѣ*, а и какъ уже *осуществленный*, всецѣло исполненный Богочеловѣкомъ, жизнь Котораго указываетъ и самый *путь* къ этому идеалу, путь смиренія, страданій, униженія и всеобъемлющей любви. По этому пути и обязуется идти всякій христіанинъ, чтобы стать „*богомъ ради Христа*“, Который сталъ „*человѣкомъ ради насъ*“. Наконецъ, съ точки зрѣнія *эсхатологической* основы христіанское правоученіе опредѣляетъ должную значимость, дѣйствительную цѣну какъ земной жизни съ ея благами, такъ и жизни небесной съ ея идеальными радостями; а отсюда уже раскрываетъ христіанскій взглядъ и на всѣ *частныя* обязанности, житейскія отношенія, явленія жизни личной и общественной. Вмѣстѣ съ этимъ, таже эсхатологическая основа, въ ученіи о завершеніи жизни каждаго человѣка и всего нравственнаго міропорядка по законамъ *правды Б.*, упрочиваетъ непреложное значеніе и обязательность нравственной нормы, и вмѣстѣ осуждаетъ косность, небреженіе въ дѣлѣ личнаго нравственнаго усовершенствованія.

Но на пути къ этому усовершенствованію христіанинъ постоянно нуждается въ сторонней помощи и поддержкѣ, да и по естественному положенію дѣла не можетъ исполнять задачу жизни *отдѣльно* отъ другихъ, *совершенно* изолировавъ себя отъ міра и общества. Потому нравственный идеаль осуществляется каждымъ христіаниномъ не *обособленно*, внѣ всякаго соприкосновенія съ другими людьми, и въ *общемъ царствѣ* личностей,

соединенныхъ единствомъ нравственной цѣли, одинаковостью духовныхъ стремленій, тожествомъ религіозныхъ понятій, взаимною любовію, единоклюбіемъ и взаимопомощію. Это царство личностей, или общество религіозное именуется *Церковію*. Итакъ, въ отношеніи своего *осуществленія*, христіанская нравственность предполагаетъ собою еще одинъ догматическій принципъ, именно—ученіе о *Церкви*, какъ *духовно-нравственномъ союзѣ* вѣрующихъ. Разсмотримъ, въ заключеніе, смыслъ догмата о Церкви съ *этической* стороны, по воззрѣніямъ избраннаго нами св. отца.

Церковь Христова представляетъ собою совокупность членовъ, соединенныхъ не внѣшнею, механическою, а самую тѣсною, неразрывною, *органическою* связію. Христіане—одно *стройное тѣло*, овцы одинаго стада, руководимаго Единымъ Божественнымъ Пастыремъ. Это внутреннее единство выражается въ томъ, что у всѣхъ членовъ Церкви *одно* духовно-религіозное содержаніе, *одно* высокое нравственное настроеніе, такъ что всѣ живутъ какъ одинъ, и одинъ является отображеніемъ жизни всѣхъ. При такомъ внутреннемъ единеніи, каждый старается какъ бы перелить съ другаго часть своего духовнаго содержанія: отрѣшаясь отъ стремленій ради собственной личности, ставитъ предметомъ своего попеченія своихъ собратій, переноситъ *на нихъ* центръ своей дѣятельности, и заботится о другомъ такъ, какъ бы о себѣ самомъ. „Мы, чтители Единого“, пишетъ св. Григорій, стали едино, мы чтители Троицы, такъ сказать, *срослись* между собою, стали единоклюбны и равночестны, мы чтители Слова оставили безсловесіе, мы чтители Духа горимъ ревностію не другъ противъ друга, но за-одно другъ съ другомъ, мы чтители *Истины* одно мудруемся и одно говоримъ, мы чтители *Мудрости* стали благоразумны, чтители Того, Кто—*Свѣтъ, Путь, Дверь, яко во дни благообразно ходимъ*, всѣ идемъ прямымъ путемъ, всѣ внутри двора; чтители *Анца и Пастыря* сдѣлались кроткими, и принадлежимъ уже къ тому-же стаду и единому пастырю, который *пасетъ стадо съ сосудами не пастыря неискусна* ¹⁾, погубляющаго

¹⁾ Зах. XI, 15—16.

овець своего пастбища и предающаго ихъ волкамъ и стремнинамъ, но пастыря весьма испытаннаго и опытнаго; мы, читатели Пострадавшаго за насъ, стали сострадательны и готовы облегчать тяготы другъ другу, читатели *Главы* образуемъ стройное тѣло и скрѣпленное всякимъ духовнымъ союзомъ“¹⁾. Единеніе христіанъ внутреннее, религіозно-нравственное, состоящее въ томъ, что всѣ они призваны и обязаны отражать въ себѣ *единый образъ* Божій, по которому люди созданы въ началѣ, равно какъ и возсозданы впоследствии чрезъ І. Христа. Богъ за насъ вочеловѣчился и обнищалъ, „чтобы возставить плоть, спасти образъ и возсоздать челоуѣка, да будемъ *все едино о Христѣ*, Который во всѣхъ насъ содѣлался совершенно всѣмъ тѣмъ, что Самъ Онъ есть; да не будетъ въ насъ болѣе *ни мужескій полъ, ни женскій, ни варваръ, ни Скиоу, ни рабъ, ни свобода*“²⁾, такъ какъ это плотскіе признаки; но да имѣемъ единъ Божій Образъ, Которымъ и по Которому мы созданы; да изобразится и отпечатлѣтся въ насъ Оный столько, чтобы по Немъ только могли узнавать насъ“³⁾.

Для соблюденія такого тѣснаго единства, члены Церкви Христовой, будучи братьями между собою, должны быть чужды всякихъ распрей, раздоровъ и несогласія во взаимныхъ отношеніяхъ: они призываются сохранять полный миръ и единомысліе, не нарушать церковнаго единенія, оказывать сочувствіе и снисхожденіе другъ другу, взаимную помощь и содѣйствіе въ достиженіи общественныхъ и индивидуальныхъ нравственныхъ цѣлей. „Хотя должно наблюдать время брани и мира, а иногда, по закону и слову Соломонову⁴⁾, хорошо вести и брань: однакоже лучше, доколѣ только можно, преклоняться на миръ, потому что сіе и выше и богоугоднѣе. И ни съ чѣмъ несообразно—предполагать, будто-бы въ частномъ дѣлѣ всего лучше единомысліе, а въ дѣлѣ общественномъ оно не самое полезнѣйшее; будто-бы совершеннѣйшее управленіе—въ томъ домѣ и городѣ, въ которомъ какъ можно менѣе внутреннихъ раздоровъ, а если

1) I, 179.

2) Гал. 3, 28, 29

3) Твор. Григ. В I, 215.

4) Еккл ІІІ, 8.

и случаются они, то всего скорѣе возстановляется миръ и врачуется недугъ, но для общаго состава Церкви и лучше и приличнѣе нѣчто другое; будто-бы каждому человѣку надлежитъ стараться—быть въ мирѣ съ самимъ собою, потому что миръ и владычество надъ страстями для каждаго вождельныи, но не такъ должно вести себя съ другими, а напротивъ того, низложеніе ближняго надобно вмѣнять себѣ въ славу. И хотя Богъ повелѣваетъ прощать согрѣшившихъ противъ насъ не только седмижды, но и въ нѣсколько кратъ болѣе ¹⁾, чтобы прощеніемъ другихъ исходатайствовать и себѣ прощеніе: однакоже, мы можемъ дѣлать зло и тѣмъ, которые насъ не обижали, даже дѣлать охотиѣ, нежели какъ принимаемъ отъ другихъ благодѣянія. Хотя знаемъ, какое блаженство уготовано *миротворцамъ*, которые одни въ сонмѣ спасаемыхъ нарицаются *сынами Божиими* ²⁾: однако же можемъ думать, что сами, даже враждуя, дѣлаемъ угодное Богу, за насъ пострадавшему, чтобы примирить насъ съ Собою и прекратить внутреннюю въ насъ брань. Нѣтъ, не будемъ такъ думать. Почтимъ даръ Примирителя, то-есть миръ,—даръ, который, отходя отселѣ, оставилъ Онъ намъ ³⁾, какъ нѣкій прощальный залогъ. Будемъ знать одну брань,—брань съ сопротивною силою. *Рцемъ: братія, ненавиждающимъ насъ* ⁴⁾, только бы приняли сіе. Уступимъ въ иной малости, чтобы получить въ замѣнъ важнѣйшее, то-есть единомысліе. Предоставимъ надъ собою побѣду, чтобы и намъ побѣдить. Посмотрите на уставы состязаній и на подвиги борцовъ: у нихъ часто лежащій внизу одерживаетъ побѣду надъ тѣми, которые были вверху ⁵⁾. „Гораздо лучше и полезнѣе, не отлагаясь отъ общаго тѣла (Церкви), намъ членамъ онаго, исправлять другъ друга и самимъ исправляться, нежели, преждевременно осудивъ своимъ отлученіемъ и тѣмъ разрушивъ довѣренность, потомъ повелительно требовать исправленія, какъ свойственно властелинамъ, а не братіямъ“ ⁶⁾.

1) Матѣ. XVIII, 22

2) Матѣ. V, 9.

3) Иоан. XIV, 17.

4) Ис. LXVI, 5.

5) II, 198—199.

6) I, 193. Эти слова обращены были въ нѣкоторымъ монахамъ, которые отдѣ-

Горизонтъ Церкви однако простирается и за предѣлы земли. Имѣя Главою своего Основателя, І. Христа, св. Церковь объемлетъ собою и всѣхъ жившихъ вѣрою во Христа, и въ этой вѣрѣ скончавшихся. Между членами церкви торжествующей и воинствующей опять-таки происходитъ духовное взаимообщеніе. Прославленные святые, хотя невидимы тѣлесно, но сопребываютъ съ церковію землею, споспѣшествуютъ ея процвѣтанію и расширенію, помогаютъ своими молитвами христіанамъ, проходящимъ путь земнаго странствованія, потому что они, святые, стали ближе къ Богу, сложивъ съ себя тѣлесныя оковы, освободившись отъ брениа, омрачающаго умъ, непокровенными представъ къ непокровенному первому и чистѣйшему Уму, сподобившись („если могу такъ смѣло выразиться“—добавляетъ св. Григорій) Ангельскаго чина и дерзновенія¹⁾). Св. Григорій Богословъ, между прочимъ, писалъ однажды о св. Аѳанасіи Александрійскомъ: онъ, „въ старости доброй разрѣшившись отъ жизни, послѣ многихъ бореній и подвиговъ, изъ горняго міра (въ семь совершенно я увѣренъ) призираетъ нынѣ на дѣла наши, и подвизающимся за доброе простираетъ руку помощи, тѣмъ удобнѣе, что онъ свободенъ отъ узъ“²⁾). И Самъ Божественный Искушитель нашъ „и нынѣ молится о моемъ спасеніи, пока не содѣлаетъ меня богомъ“³⁾). Отсюда св. Церковь, съ этической стороны, представляетъ собою безчисленный сонмъ ангеловъ и всѣхъ вѣрующихъ христіанъ—живыхъ и умершихъ, которые, объединяясь во Христѣ, какъ единомъ Источникѣ духовнаго обновленія и высшемъ Путеводителѣ жизни, связаны неразрывными узами любви и нравственнаго содѣйствія, такъ что члены, усовершенствовавшіеся въ духовной жизни, оказываютъ вспоможеніе, во внутреннемъ самовоспитаніи по духу Христову, членамъ менѣе совершеннымъ.

Въ тѣхъ же нравственно-воспитательныхъ видахъ, собраніе вѣрующихъ раздѣляется также на руководителей-пастырей, и

лились отъ отца Григоріева, Епископа Назіанзкаго (по неосторожности подпавшаго полуаріанскій символъ), а потомъ снова воссоединились.

1) II, 84.

2) III, 151.

3) Ibid 75.

воспитываемыхъ-пасомыхъ, на духовно-начальствующихъ и подчиненныхъ. Отсюда въ общей идеѣ Церкви содержится, съ этической стороны, частная идея христіанскаго *пастыреначалія*, какъ института, установленнаго *спеціально* для достиженія нравственно-вспомогательныхъ цѣлей Церкви. „Порядокъ и въ церквахъ распредѣлилъ, чтобы одни были пасомые, а другіе—пастыри, одни начальствовали, а другіе были подначальными; кто составлялъ какъ бы главу, кто—ноги, кто—руки, кто глазъ, кто—иный изъ членовъ тѣла—для устройства и пользы цѣлаго—какъ низшихъ, такъ и высшихъ. И въ тѣлахъ члены не отдѣлены другъ отъ друга, но цѣлое тѣло есть одно изъ различныхъ частей сложенное; не у всѣхъ членовъ одинъ образъ дѣйствованія, хотя и всѣ одинаково имѣютъ нужду другъ въ другѣ для дружнаго и взаимнаго дѣйствованія. Такъ глазъ не ходитъ, но указываетъ путь; нога не смотритъ, но переступаетъ и переноситъ съ одного мѣста на другое; языкъ не пріемлетъ звуковъ, ибо это дѣло слуха; ухо не говоритъ, потому что это дѣло языка; носъ ощущаетъ запахи, *гортань же вкушаетъ брашна*, говоритъ Іовъ ¹⁾); рука есть орудіе къ тому, чтобы давать и принимать; а умъ вождь всего: отъ него способность ощущать, и къ нему возвращается всякое ощущеніе. Тоже и у насъ—въ общемъ тѣлѣ Христовомъ. Ибо всѣ *едино тѣло есмы о Христвъ*, а по единому Христу и *другъ другу уди* ²⁾). Одинъ начальствуетъ и предсѣдательствуетъ, а другой водится и управляется; оба дѣйствуютъ неодинаково, если только начальствовать и быть подначальнымъ—не одно и то же, но оба дѣлаются едино во единомъ Христвѣ, составляемые и слагаемые тѣмъ же Духомъ“ ³⁾). „Какъ въ тѣлѣ иное начальствуетъ и какъ бы предсѣдательствуетъ, а иное состоитъ подъ начальствомъ и управленіемъ: такъ и въ церквахъ (по закону ли справедливости, воздающей по достоинству, или по закону Промысла, все связующаго) Богъ постановилъ, чтобы одни, для кого сіе полезнѣе, словомъ и дѣломъ направляемые къ своему долгу, оставались пасомыми и подначальными; а другіе, стоящіе выше

¹⁾ Іов. 34, 3.

²⁾ Рим 12, 5.

³⁾ III, 117—118.

прочихъ по добродѣтели и близости къ Богу, были пастырями и учителями къ совершенію Церкви, и имѣли къ другимъ такое-же отношеніе, какое душа къ тѣлу и умъ къ душѣ, дабы то и другое, недостаточное и избыточествующее, будучи, подобно тѣлеснымъ членамъ, соединено и сопряжено въ одинъ составъ, совокуплено и связано союзомъ Духа, представляло одно тѣло, совершенное и истинно достойное самого Христа—нашей Главы“¹⁾).

Итакъ христіанское пастырство, помимо священнодѣйствія, имѣетъ еще цѣль нравственнаго воспитанія и усовершенія пасомыхъ. Его задача—духовное врачеваніе, состоящее въ томъ, чтобы „окрылить душу, исхитить изъ міра и предать Богу, сохранить образъ Божій, если цѣль, поддержать, если въ опасности, обновить, если поврежденъ, *вселить Христа въ сердца* Духомъ“²⁾; короче сказать: того, кто принадлежитъ къ горнему чину, содѣлать богомъ и причастникомъ горяяго блаженства“³⁾. Посему христіанское пастырство есть не столько начальствованіе, сколько *служеніе*, подлежащее великой отвѣтственности; оно основывается на Божіемъ законѣ и возводитъ къ Богу⁴⁾.

При такомъ то взаимномъ нравственномъ содѣйствіи вѣрующихъ другъ другу, подъ мудрымъ руководствомъ пастырей, при помощи святыхъ и подъ верховнымъ управленіемъ Божественнаго Пастыреначальника, движется жизнь какъ всей Церкви Христовой вообще, такъ и отдѣльныхъ ея членовъ. Здѣсь, въ живомъ и оживляющемъ организмѣ Церкви, дается самая добрая почва и самыя дѣйствительныя средства для наилучшаго расцвѣта и произрастанія индивидуальной жизни каждаго вѣрующаго. Здѣсь то христіанинъ можетъ съ удобствомъ оправдать на себѣ самомъ этической идеаль, осуществить въ собственной личности нравственную задачу жизни.

II. *Борисовскій.*

¹⁾ I, 13.

²⁾ Ефес. 3, 17.

³⁾ I, 24, ср. стр. 49.

⁴⁾ I, 14, 16, 17.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте:

info@axion.org.ru